

этимологической надежности, обеспечиваемой полным использованием семантических, морфологических, фонетических и акцентуационных критериев.

Мы не можем в то же время отказаться от полемики с автором в связи с его этимологией праслав. *stěna*. Для опровержения традиционного соотношения праслав. *stěna* с прагерм. *staina* 'камень' он прибегает к экстралингвистической аргументации, которая в этимологическом исследовании должна использоваться как дополнительная. При этом мы читаем следующее: «во-первых, согласно данным археологии, древние славяне имели не каменные, а деревянные или глиняные стены, а во-вторых, в славянских языках для обозначения каменной стены (?!) имеется особое слово: ст.-слав. *зѣдъ*, с.-хорв. *zûd*, чеш. *zed'*» (стр. 233). Как же так? Не имели каменных стен, но имели для них специальное название? Не надежнее ли чисто лингвистическое решение этого вопроса. С.-хорв. *stěna* 'скала, камень' семантически тождественно гот. *stains*. Различие в роде и основе сводится к различию основ на *ō* (м. р.) и *ā* (ж. р.), коррелируемых в прилагательных. Вероятность случайного совпадения здесь ничтожна. Севернослав. *stěna* 'стена' могло возникнуть из праслав. *stěna zědъ* (= англ. *stone wall*).

Отличительной особенностью «этимологического почерка» Ю. В. Откупщикова является широкое использование словообразовательного ряда. Изолированные, «экзотические» этимологии его мало интересуют, поэтому он не занимается лексемами с «индивидуальными» биографиями. Что касается других принципов этимологического анализа, то, как справедливо замечает сам автор, «за последние годы появилось большое количество по-настоящему хороших работ о принципах этимологического исследования, однако это не привело ни к резкому увеличению количества хороших этимологий, ни к заметному уменьшению числа плохих. По-видимому, дело здесь не только в хороших принципах, но и в последовательном применении этих принципов в практике этимологических исследований» (стр. 213). Тем самым признается фактическое отсутствие строго регламентированных правил этимологической аргументации. *Arts etymologicae* еще полностью не превратилась в *Scientia etymologiae*. Этимологи по-прежнему могут, располагая одними и теми же фактами и не допуская очевидных ошибок, приходиться к прямо противоположным результатам.

Подводя итог сказанному, хочется еще раз подчеркнуть, что для обстоятельного рассмотрения фундаментального исследования Ю. В. Откупщикова рамки рецензии слишком узки. Стараясь сосредоточить наше внимание на основных проблемах, мы смогли обозреть лишь небольшую часть книги, которая является во многом новаторской, зовет к спорам и, несомненно, стимулирует прогресс этимологической науки.

В. В. Мартынов

F. Scholz. Slavische Etymologie. Eine Anleitung zur Benutzung etymologischer Wörterbücher.

Wiesbaden. 1966 (= «Slavistische Studienbücher», hrsg. von Dr. Tschizewskij, R. Olesch und D. Gerhardt, III)

В серии «Пособия по славистике», издаваемой группой западногерманских славистов, вышла небольшая книга Ф. Шольца под названием «Славянская этимология. Руководство к пользованию этимологическими словарями». Книга посвящена ответственной теме, учебник или учебное пособие такого рода прежде отсутствовало, поэтому интерес, вызываемый книгой Шольца, вполне понятен. Работа получила отклики в научной печати, ср. ре-

цензии Р. Айцетмюллера в журнале «*Zeitschrift für slavische Philologie*» (Bd II, 1967, стр. 163—171), Э. Айхлера («*Indogermanische Forschungen*», Bd 72, 1967, стр. 216—219 и И. Шюца («*Die Welt der Slaven*», Jg. XII, H. 4, 1967, стр. 438—440). Беря на себя задачу критически оценить книгу по славянской этимологии, мы должны будем учитывать также мнения названных ученых, правда, в отдельных случаях это добавляет к нашей дискуссии с автором книги также дискуссии с авторами рецензий, от чего в полном объеме здесь приходится отказаться. В другом месте мы изложим более подробно свое отношение к взглядам Айцетмюллера и Шюца по этому вопросу, а также свои взгляды о задачах современного пособия или учебного курса по славянской этимологии.

Небольшая книга Шольца разбита на ряд очень кратких, конспективных разделов. Внешняя структура книги выглядит в достаточной мере стройно: Введение; 1. Праславянский язык; 2. Восточнославянский; 3. Западнославянский; 4. Южнославянский; 5. Библиография (и довольно обширные, принимаемая во внимание малый объем книги, примечания ко всем разделам в конце книги). Разделы, посвященные основным группам славянских языков, имеют дальнейшие подразделения. Так, дается, например, очень суммарная сравнительно-историческая характеристика языковой эволюции русского языка, затем следует особый параграф «Русские этимологии». Это правило соблюдается на протяжении всего дальнейшего изложения, причем после столь же кратких характеристик (в основном фонетического) развития белорусского, украинского, польского, чешского, словацкого, серболужицкого, болгарского, македонского, сербохорватского и словенского языков (специальные разделы о старославянском, полабском и кашубско-словинском, оказывается, отсутствуют вообще) даются параграфы под названиями «Русские этимологии», «Белорусские этимологии», «Украинские этимологии», «Польские этимологии» . . . и т. д., в соответствии с принятым в книге порядком. Уже перечень разделов, составляющих книгу, вызывает мысль, что мы имеем здесь дело скорее с пособием на тему «*Les langues slaves — de l'unité à la pluralité*», если уместно здесь вообще сравнение с известным циклом лекций Ван-Вейка. Разделы, трактующие русские, польские и прочие этимологии, несколько выпадают, казалось бы, из рамок названной темы эволюции, обособления славянских языков из праславянского единства, но об этих разделах и их содержании будет еще сказано ниже.

Автор начинает книгу вполне правильными наблюдениями, даже если признать, что они не отличаются самостоятельностью и слегка устарели: «Наука о происхождении слов, этимология, не пользуется вообще особой популярностью у тех, кто изучает филологию. Она слывет своего рода тайной наукой, которая открывается адептам только после долгого, упорного труда» («Введение», стр. 1). Этимологические словари, рассуждает далее автор, своей сложной структурой, лаконичностью и противоречивостью этимологий одного и того же слова усиливают в глазах специалистов эти качества этимологии. «Назначение этого тома состоит в том, чтобы открыть студенту, изучающему славянскую филологию, доступ к достоверным основам этой важной исторической отрасли знания» (стр. 2). Автор намерен оперировать «надежным фондом» этимологий, предполагая дать в соответствующих разделах исторические звукосоответствия разных славянских языков наряду с избранными этимологиями. Он не отказывается и от подачи спорных этимологий, что важно для показа проблематики учащимся, студентам.

Таковы установки, излагаемые автором во «Введении». Однако, знакомясь с дальнейшим содержанием книги, мы явственно наблюдаем несоответствие между этим реальным содержанием и названием «Славянская этимология. Руководство к пользованию этимологическими словарями». Упомянутое выше первое впечатление от структуры разделов подтверждается: перед нами на самом деле очень беглое, конспективное изложение в основном фонетических (реже — морфологических и других особенностей) славянских языков, развившихся из общего праславянского. Это не курс по славянской этимологии и не руководство по славянским этимологическим сло-

варям. Мы далеки, разумеется, от той мысли, что сравнительно-историческая грамматика славянских языков не имеет самого непосредственного отношения к славянской этимологии. Но было бы неверно, если бы мы, думая, что излагаем принципы, проблемы и методы славянской этимологии, принялись бы пересказывать сравнительно-историческую фонетику и морфологию. Шольц пошел, к сожалению, именно этим путем. Исходя из убеждения, что он совершил ошибку и не смог выполнить свою задачу, мы одновременно считаем нужным возразить его рецензентам, в особенности Айтцмюллеру, который во всеоружии научной критики выдвигает множество упреков автору в поверхностности, излишней краткости, а часто — ошибочности его исторических комментариев. Нужно ли требовать, чтобы было сделано лучше, обстоятельнее и тоньше то, чего, строго говоря, вообще не нужно было делать в этой книге? Поэтому я позволю себе не следовать примеру названных выше ученых и не представляю здесь полный перечень мест, где автор погрешил против сравнительно-исторического языкознания, что было бы не трудно, принимая во внимание краткость книги. Конечно, краткость пособия не освобождает автора от необходимости быть точным. При перечислении индоевропейских языков (стр. 4) хеттский идет между тохарским и армянским, а лийкийский и лидийский упоминаются в числе «некоторых других языковых групп». — Не лучше ли объединить их (хетт., лик., лид.) в анатолийскую группу индоевропейских языков, как это и принято? Там же читаем далее: «Но тождества слов гораздо менее доказательны для степени близости между языками или группами языков, чем общности на фонологическом или морфологическом уровне» (стр. 4—5). — Эта точка зрения не может приниматься сейчас без значительных оговорок, благоприятных для этимологии; даже в индоевропейской диалектологии ее можно считать преодоленной (Порциг). В пособии по этимологии следовало бы также отразить эволюцию взглядов и действительное положение в науке.

Из частных неточностей и пропусков: на стр. 17 приводится неверное ударение болг. *човек*, надо *човѣк*; на стр. 19 дается алб. *ul'k*, следовало дать современное написание — *ulk*; на той же странице приводятся всевозможные этимологии слав. *ryba*, но этимологии Топорова и Якобсона остались неупомянутыми; дославянскую форму **mēs-en-ko-* (к которой возводятся **mēsecь*, стр. 20) правильнее передавать как *mēs-en-ko-*; в.-луж. *howrić* никак не может объясняться «путем присоединения простого суффикса -r- к праслав. **gov-*» (стр. 22), ведь тогда мы имели бы **goϥ-r-iti* > **guriti* > в.-луж. **hurić*; *howrić* происходит из **govoriti*, как и прочие славянские формы (русск. *говорить* и т. д.), но с последующей синкопой среднего гласного, известной и в других верхнелужицких словах, ср. *kobta* 'кобыла', *korto* 'корыто' < праслав. **kobyła*, **koryto*. Следует писать **pojiti*, а не **poiti* (стр. 29), арм. *meřanim*, а не *meřanim* (стр. 54), алб. *ballë*, а не *bařë* (стр. 60); в современных македонских формах иотация принята передавать с помощью *j-*, а не *я-*, т. е. писать *јазик*, *јазлен*, а не *язик*, *язлен* (стр. 62). Прочие подобные неточности мы здесь опускаем, много ошибок указали уже другие рецензенты (прежде всего Айтцмюллер).

Ясно, что эту небольшую практическую книжку нельзя критиковать с точки зрения требований, которые должны были бы быть предъявлены к специальной монографии на ту же тему. Но возникает более принципиальный вопрос, «возможно ли вообще создать руководство по этимологии?» (R. Aitzmüller. Указ. рец., стр. 171). Думается, что здесь возможен положительный ответ, и причем не только потому, что имеются прецеденты — книги Хирта (по немецкой этимологии), Росса (по английской этимологии), Кронассера (по этимологии хеттского языка), а также работы по общей этимологии (например, Пизани). Реальность создания руководства по этимологии славянских языков очевидна еще и потому, что знакомство с неудачной книгой Шольца, явившееся для нас как бы контрольным моментом, достаточно хорошо показывает, чего нет в этой книге и что должно быть в руководстве по славянской этимологии.

Поскольку естественно ожидать, что к этимологическим словарям обращаются не одни этимологи, было бы действительно уместно, как нам кажется, начать учебное пособие по славянской этимологии с руководства к пользованию этимологическими словарями славянских языков. При этом необходимо, чтобы это было настоящее руководство, составленное на основе четкого представления специфики самих словарей и специфики работы с этими словарями. Сказать, что профиль и принципы каждого такого словаря определяются субъективными вкусами автора, значит не сказать ничего. По-видимому, будет правильнее рассмотреть каждый словарь по существу, в соответствии с его местом в истории науки и в связи с исследовательскими методами авторов, отраженными в их остальном творчестве. В специальном разделе (которого нет в рецензируемой книге Шольца!) надо было бы охарактеризовать славянские этимологические словари Миклошича и Бернекера, этимологические словари отдельных славянских языков Преображенского, Фасмера, Брюкнера, Славского, Голуба—Копечного, Махека, Младенова, Георгиева, Рудницкого и др. Необходимо обрисовать индивидуальное своеобразие отдельных словарей и правила пользования каждым из них. Эти правила могут значительно отличаться. Покойный Махек хорошо показал это, поместив в предисловии к своему этимологическому словарю чешского и словацкого языка для примера одну свою типичную словарную статью, а рядом с ней как бы «ключ» — ту же статью в пространном чтении, с раскрытыми знаками и сокращениями. Этот верный методический прием наглядно демонстрирует разницу между статьей этимологического словаря и монографической полной статьей на ту же тему в ином издании, а также говорит о большой степени компрессии, которой обычно вынужденно подвергается «этимологическая информация» в этимологических словарях. Правда, пример такой заботы о читателе, показанный Махеком, является, пожалуй, исключением. Польский этимологический словарь Брюкнера известен своими суммарными характеристиками материала, причем лаконизм этих характеристик («u wszystkich Słowian tak samo») нигде специально не раскрывается и не оговаривается: эту работу автор предоставляет самому читателю. В словаре Брюкнера мы имеем настоящую сокровищницу высоко научных знаний по этимологии и истории языка и культуры, представленную в форме очень свободного, местами — нарочито небрежного изложения, причем автор не очень строго придерживался соблюдения графики и орфографии и принципиально игнорировал научную библиографию; одним словом, это — редкое сочетание внешней популярности изложения и фактической высокой требовательности к читателю. Непосвященный человек может вынести неправильное впечатление от первого самостоятельного знакомства со словарем Брюкнера, и тут ему на помощь должно прийти описываемое руководство к пользованию этимологическими словарями, которое должно содержать всестороннюю научную характеристику и этого труда гения и более стандартного типа словаря Голуба—Копечного, о довольно полезном своей библиографической обстоятельностью (хотя и сильно уже устаревшем) словаре Преображенского, о специфических особенностях отдельных словарей, которые надо знать начинающим: например, то, что словарь Махека представляет довольно редкий опыт этимологической обработки двух близко родственных языков как заглавных (ср., впрочем, еще более старый аналогичный опыт норвежско-датского этимологического словаря Фалька и Торпа); то, что словарь Младенова представляет собой тоже не частый случай объединения этимологического и орфографического словаря, вызванного опасениями издателя, что просто этимологический словарь «не найдет сбыта» (ср. воспоминания В. Георгиева в связи с юбилеем Младенова). Правильное пользование всеми этими словарями делает необходимым уже с первых шагов сильное проникновение читателя в особенности исследовательского метода их авторов. Нельзя плодотворно работать со словарем Махека и при этом не знать об излюбленном тезисе автора относительно «праевропейского» субстратного происхождения многих славянских слов, о широком обращении

автора к «неканоническим» изменениям и соответствиям звуков. Читая словарь Младенова, надо иметь в виду его теорию арио-алтайского родства, иначе читатель рискует некритически воспринять его объяснения отдельных явно заимствованных слов. Когда мы упомянули выше о более стандартных словарях-справочниках современного типа, то имели в виду прежде всего словари Фасмера и Славского с их тенденцией дать полную научную библиографию по этимологии слова. Индивидуальное своеобразие этих трудов, правда, менее очевидно, но преимущества их как справочников (причем не только по польской или русской этимологии) вне всяких сомнений. Эта сопоставительная характеристика словарей и методов с наглядной демонстрацией примеров различной этимологической обработки одних и тех же слов в разных этимологических словарях могла бы, по нашему мнению, завершаться кратким очерком развития славянской этимологии как части славянского сравнительно-исторического языкознания. Этого последнего очерка мы тоже не находим в книге Шольца. Здесь были бы, встает, на месте и те элементарные сведения по исторической фонетике, которые Шольц рассеивает в неудачной форме по разным разделам.

Можно только удивляться, как автор смог ни разу не вспомнить на протяжении всей книги о тесной связи славянской этимологии и истории славянской культуры! Стоит ли говорить о том, как много поучительного и поистине интересного можно было бы сказать о плодотворном контакте этимологии с этнографией, археологией и другими историческими дисциплинами. Гордое сознание того, что среди этих отраслей исторического славяноведения безусловный пример принадлежит именно этимологии, этимологическим свидетельствам, стоит в наших глазах больше, чем однообразные сетования по поводу неизжитой субъективности этимологии (как будто наука может развиваться без интуиции?). Не должна быть забыта и этимология славянской ономастики. — В книге Шольца нет ни слова об этом, а также о том, что дает этимологическое изучение славянской этнонимии, топонимии, гидронимии для исследования древнейших судеб славянства. Необходимо было бы сказать и об органической связи ономастической и апеллятивной этимологии в свете проблемы утраты словарного фонда¹.

Минуя вскользь упомянутые разделы об этимологии и сравнительном языкознании, этимологии и истории культуры, этимологии и ономастике, а также разделы, посвященные славянской этимологии и индоевропейскому языкознанию, этимологии славянских языков и следам древнеиндоевропейских морфолого-словообразовательных категорий, далее — принципам этимологических исследований и словообразовательному анализу в этимологии, т. е. разделы, которых нет в пособии Шольца, упомянем очень кратко о проблеме состава славянского словаря (опуская здесь то, что целесообразно определять как проблему своеобразия славянского словарного состава). Названная проблема по обилию материала, равно как и по своей недостаточной разработанности, представляется нам одной из центральных проблем славянской этимологии. Для нас очевидно также и то, что эта проблема должна подробно трактоваться и в учебном курсе по славянской этимологии. В этом нас, в частности, убедила и беспомощность Шольца, излагающего под рубриками «Русские этимологии», «Украинские этимологии», «Болгарские этимологии» и т. д., как правило, материал общеславянского распространения. Здесь, как нигде, был бы полезен показ сочетания и переплетения общего и регионального (диалектного, древнедиалектного) в лексике. Понятие праславянского лексического диалектизма могло бы оказаться здесь плодотворным. Автор ни словом не обмолвился о нем, как и о древней лексической дифференциации славян-

¹ В свою очередь — вполне самостоятельная и важная проблема, которая вместе с мотивами утраты и пополнения, обновления лексики (табу, запреты словаря) должна подробно излагаться в подобном пособии.

ства. Ведь тогда рубрики типа «Русские этимологии» могли бы наполниться вполне конкретным и неповторимым содержанием. Мы хотели бы при этом подчеркнуть, что не ставим перед автором невыполнимых или слишком идеальных требований, но имеем всякий раз в виду то, что доступно и может быть почерпнуто из литературы, то, что уже добыто славянской этимологией. Поэтому, если автор не удосужился привести под соответствующими рубриками характерных или исключительных примеров для соответствующих славянских языков, это свидетельствует не в его пользу. Только так можно, по-видимому, оценить то, что в «Белорусских этимологиях» не упоминается форма *зарод*, образующая вместе со старобелорусским *зеремя* уникальный словообразовательно-морфологический и фонетический комплекс, или то, что в «Болгарских этимологиях» Шольц ни единым словом не упоминает живо обсуждавшиеся в литературе последних лет сепаратные болгарско-балтийские лексико-этимологические параллели для болг. *бърна*, *джуна* и многих других. Даже простое обобщение известного в науке с относительностью давнего времени не могло не побудить внимательного автора к тому, чтобы, по крайней мере, различать в словарном составе каждого славянского языка местные аспекты соответствующих общеславянских этимологий и этимологии локальных слов, старых и новых диалектизмов. Элементарная ошибочность метода автора явствует хотя бы из того, что названия таких рубрик, как «Русские этимологии», «Украинские этимологии», можно безболезненно поменять местами, тогда как при правильном решении связь между содержанием и названием сделалась бы органической. Заметим, что, например, украинская этимология — это прежде всего этимология украинских *нарах*'ов вроде *зайвий*, *вѣштатися*, *мрія*, оригинальных звуковых и морфолого-словообразовательных развитий типа *барити(ся)*, этимология местных заимствований из польского, молдавского, румынского, тюркского (например, *постолій*, *superlativum* типа *май*+прилагательное¹) и т. д. Ничего этого мы не находим у Шольца.

Стратиграфия славянского словаря, проблема выделения его новых и древних пластов, столь важная для руководства по славянской этимологии, автором почти нигде сознательно не затрагивается, если не говорить о беглых упоминаниях заимствованных германских, тюркских, финно-угорских, греческих, латинских элементов словаря славянских языков. Естественно ожидать при этом, что и проблема реконструкции и древнего состава славянского словаря ускользнула целиком от внимания автора, так же как это случилось в книге с проблемой лексико-этимологического своеобразия отдельных славянских языков и всей славянской языковой семьи в целом. За вычетом лаконичного примечания 9, в книге нигде не говорится о субстрате или субстратах славянского, а между тем проблема субстратоведения и этимологии играла и играет неизменно видную роль в славянских этимологических исследованиях. Достаточно вспомнить о проблеме кельтского субстрата для западнославянских и западной группы южнославянских языков, об иллирийском и фракийском субстрате балканских славянских языков. Вся ономастическая этимология славянского строится на учете субстратных включений.

Наша критика неудачной публикации Ф. Шольца неизбежно вылилась в попытку конструктивной программы, изложить которую по этому случаю казалось тем более необходимым, что дело создания курса или руководства по славянской этимологии продолжает, несмотря на неудачу недостаточно опытного автора, манить как цель вполне реальная и достойная осуществления.

О. Н. Трубачев